

**Селестиальные близнецы:
когда читатель удивляет писателя**

Элизабета Левин, PhD

Опубликовано: "Вестник Дома Ученых Хайфы", том XVI, Хайфа, октябрь 2008 г., с. 40-45.

Ты, столь подобный мне, что это лестно мне.
Но все ж настолько "ты", что этих строк вполне
Достаточно, чтоб ты, о мой двойник, притих,
Узнав, что речь идет о странствиях моих...

Джон Донн (1573-1631)

Шторм. Пер. с англ.: И. Бродский (1940-1996)

В прологе к книге *Селестиальные близнецы. Коды судьбы. Двойники времени* я приглашала читателей заглянуть в удивительный мир неожиданностей [1], насыщенный невероятным числом совпадений и случайностей. Систематически выявляя и анализируя поразительное сходство характеров и параллельность судеб у знаменитых селестиальных (от латинского слова *celestial* – "небесный") близнецов – людей, родившихся в один день одного года – это исследование показало, что чарующая синхронность прослеживалась даже у людей, выросших в различных социально-экономических, этнических и культурных условиях. Более того, оказалось, что по степени сходства характеров и изоморфизма судеб некоторые знаменитые селестиальные близнецы не уступали идентичным (монозиготным) биологическим близнецам.

Как и ожидалось, после публикации книги в 2006 г. на меня посыпался град вопросов, на которые я частично дала ответы в серии статей, опубликованных в журнале "Долгожитель" и в газетах "Новости недели" и "Волжская коммуна". Многие спрашивали, почему я ограничила круг исследуемых селестиальных близнецов исключительно ушедшими из жизни знаменитыми людьми. Я напоминала, как еще основоположник эмпирического тестирования в психологии, сэр Фрэнсис Гальтон (1822-1914), подчеркивал, что фактор наследственности ему удалось обнаружить только с помощью изучения жизни и творчества талантливых людей. В книге *Наследственность таланта, ее законы и последствия* [2] он ссылаясь на то, что любое явление можно изучить лишь тогда, когда оно наиболее ярко выражено. Как правило, мы не можем сравнивать жизнь, судьбу или таланты

"простых" людей лишь потому, что истории, в качестве независимого наблюдателя, о них ничего не известно. Напротив, знаменитые люди отличаются тем, что их жизнь и творчество изучены многими независимыми исследователями. Они и называются "известными", потому что история записала их жизнедеятельность. "А почему лишь тех, кто уже ушел из жизни?", – продолжали спрашивать дотошные читатели. Я ссылалась, например, на известного историка-этнолога, Льва Николаевича Гумилева. В своей книге *Этносфера: История людей и история природы* он подчеркивал, что исследования микрокосмоса (жизни одной особи) и макрокосмоса (развития человечества в целом) подобны в том, что они рассматривают не застывшие "состояния", а динамические "процессы". Как в жизни целых этносов, так и в судьбах отдельных людей, мы можем делать сколько-нибудь значительные выводы лишь тогда, когда "процесс завершился", пройдя через все фазы своего развития:

"Целесообразно ограничить поле нашего исследования XIX веком, потому что для установления закономерности нам нужны только законченные процессы. Говорить о незаконченных процессах можно лишь в порядке прогнозирования, а для последнего нужно иметь в руках формулу закономерности, ту самую, которую мы ищем. Кроме того, при исследовании явлений XX в. возможна абберация близости, при которой явления теряют масштабность, как и при абберации дальности" [3, с. 42].

То есть, говоря о людях, мы можем сказать, что логично сравнивать лишь жизни после их завершения. Стараясь оставаться верной принципам научной объективности и постоянно придерживаясь нейтральной точки зрения, в *Селестиальных близнецах* я скрупулезно проверяла все даты и факты. При малейшем подозрении в возможности закравшейся ошибки, герои или совпадения исключались из материала, вошедшего в книгу. Призывая читателя разрешить себе удивляться прочитанному, сама я при написании книги постоянно подавляла в себе произвольно возникающее возвышенное чувство восхищения слаженной закономерностью нашего мира: я опасалась, как бы мои эмоции не помешали читателям объективно воспринимать и оценивать факты.

Суммируя вышесказанное, должна признаться, что к моменту публикации книги мне казалось возможным выявить параллели лишь в жизни знаменитых селестиальных близнецов. Я мечтала только о том, чтобы люди признали сам факт существования явления изоморфизма и взаимосвязанности судеб селестиальных близнецов и чтобы у ученых пробудился интерес к дальнейшему расследованию этого феномена. На большее я не надеялась. Но именно тут меня поджидали настоящие неожиданности. После каждой статьи, лекции или радиопередачи ко мне

обращались десятки знакомых и незнакомых "простых" людей с просьбой выслушать их личный рассказ. Они не нуждались ни в каких "строгих научных доказательствах". Их не мучил теоретический вопрос: "Ну хорошо. Допустим, что мы признаем существование явления изоморфизма судеб селестиальных близнецов. А что дальше? Какая выгода или польза будет мне или даже всему человечеству от понимания такого явления?". Это люди ЗНАЛИ на личном опыте, что такое селестиальные близнецы, и им не терпелось поделиться знаниями с теми, кто был бы готов обобщить их опыт и передать его другим. Всем им было очень важно, чтобы их разрозненные, единичные переживания или воспоминания, вызванные к жизни чтением *Селестиальных близнецов*, нашли свой выход к более общему потоку знания и слились в некую организованную структуру. На лекциях и в домашних кружках меня просили делиться не только детальными сравнительными биографиями великих мира сего, но и яркими эпизодами из жизни современников. Поначалу я отказывалась, сетуя на невозможность проверить и упорядочить все эти бесчисленные анекдоты и истории. Но в какой-то момент количество информации, поступающей от читателей, переросло критическую массу и само попросилось на бумагу. Настал тот миг, когда желание автора удивить читателей вернулось к нему бумерангом – читатели и слушатели не переставали и ежедневно не перестают удивлять меня своей трактовкой явления селестиальных близнецов в целом и моей книги, в частности.

По понятным причинам, в большинстве случаев я не чувствую себя вправе публиковать имена обращавшихся ко мне людей. Поэтому в нынешней статье я ограничусь, главным образом, либо типовым описанием случаев, характерных сразу для многих читателей, либо наиболее значительными и трогательными историями, которые во многом определили дальнейший ход исследования селестиальных близнецов.

Первым и наиболее распространенным типом историй о селестиальных близнецах является случай, когда человек замечает это явление в своем близком окружении. Неожиданно он обращает внимание на то, что его самые близкие друзья, одноклассники, коллеги, родственники, дети или соседи родились с разницей, не превышающей 48 часов. Как правило, в первый момент осознания такого "случайного совпадения" рассказчик машинально произносит сакраментальную фразу: "Вы знаете, у меня есть два самых близких друга, которые родились в один день одного года, но они, конечно, очень разные". Не проходит и пару минут, как осмысливание этого факта порождает новые ощущения: "Постойте, постойте. Но ведь эти друзья всегда проводят все праздники вместе. Они занимают точно ту же должность и печатаются в тех же журналах. Да и сюжет их жизни схож: вместе учились в школе,

параллельно служили в армии и одновременно занимались в институте". Или: "Знаете, никогда не придавала этому значения, но мой сын и его жена, точно так же, как Ваши супруги Астор из главы "Сплетение судеб", родились одновременно. И их взаимоотношения напоминают мне архетипальное поведение этих героев".

Такие и подобные им истории приобретают особую окраску и надолго врезаются в память рассказчика в тех случаях, когда они сопряжены с каким-либо драматическим или травматическим событием. Приведу такой пример, рассказанный мне хайфским астрологом, Римоной Коэн. Одна из ее дочерей с раннего детства и до конца школы дружила с соседским мальчиком, рожденным с ней одновременно. Дети постоянно играли и занимались вместе, и никто бы в этом не заметил ничего из ряда вон выходящего, если бы не один несчастный случай. В тот день дочь г-жи Коэн заболела и не пошла в детский садик. Неожиданно хлопнуло окно в ее комнате, и стекло разбилось на мелкие осколки. Девочка поранилась, и ее пришлось везти на перевязку в больницу. Первым, кого они встретили в приемном покое, был ее селестиальный близнец, который точно так же поранился стеклом в детском садике! Не скрою, что и мне бы хотелось отнести этот случай к разряду "случайных совпадений", но читатели *Селестиальных близнецов* не дадут мне этого сделать со спокойной совестью. Дело в том, что такой же рассказ я услышала впоследствии от сотрудницы тель-авивского университета, доктора Ривки Фабрикант. Уже много лет ей не давали покоя воспоминания о том дне, когда оба ее близнеца, дочка и сын, один в школе, а другая дома, были одинаково и одновременно ранены стеклом в голову. Особенно врезались в ее память удивленные и растерянные лица врачей приемного покоя больницы, которым пришлось один за другим, с разницей в полчаса заниматься абсолютно одинаковыми ранами двух очень похожих подростков.

Ко второй группе историй о селестиальных близнецах относится случайная встреча рассказчика со своим зеркальным отображением. В таких описаниях преобладает ощущение первичного шока: "Никогда бы в жизни не подумал, что еще кто-то купит такие штиблеты или отважится носить очки в такой странной оправе!" В общих чертах такие истории напоминают сцену встречи двух селестиальных близнецов, описанную в книге Элен Гринграсс и Питера Робертса, *Астрология близнецов времени* [4]. Там рассказано, как две 40-летние женщины, не договариваясь, надели на свою первую встречу зеленые блузы и черные брюки; у обеих на глазах были броские темные очки с одинаковыми синими оправками в блестящих; обе носили сороковой размер обуви. Вскоре выяснилось, что на стенах их кабинетов висели те же самые любимые ими стихи Киплинга "Если". Обе женщины жаловались на боли в руках, и обе проходили курс физиотерапии. К тому же, в качестве

хобби обе любили сами рисовать поздравительные новогодние открытки близким, и у обеих племянники служили в армии. Совпадениям не было конца. Знакомство с этой парой "двойников" подействовало настолько сильно на наблюдателей этой встречи, что Робертс и Гринграсс решили провести эксперимент с добровольцами, отобранными при содействии радиопередач Би-Би-Си. Результаты их исследования были опубликованы с рекомендацией продолжить изучение этого явления. Со своей стороны, могу добавить самый яркий пример, которым поделилась со мной читательница, по имени Тамара. В подростковом возрасте ей довелось побывать в международном детском лагере, Артеке. Все девочки и мальчики там носили одинаковые формы. Представители разных стран различались только по цвету галстуков. В один из первых дней пребывания в Артеке Тамара спокойно шла по аллее, как вдруг к ней подбежали несколько ребят и начали кричать на непонятном для нее языке. Инцидент прояснился, когда через несколько минут они увидели другую девочку, приблизившуюся к ним: она была как две капли воды похожа на Тамару, и только цвет галстука выдавал в ней француженку. Оказалось, что эта девочка отбилась от своей группы, и французские дети, которые искали ее, по ошибке накричали на Тамару "за то, что она отбилась от группы и потерялась". Впоследствии Тамара узнала, что ее двойник из Парижа родилась с ней в один день одного года. Девочки подружились, и до конца отпуска их называли "близнецами".

После такого потрясения люди часто говорят, что испытали нечто вроде "прозрения". Это ощущение бывает еще более сильным, когда селестиальные близнецы узнают, что обоим "случайно" приходят в голову одинаковые идеи. Такую поразительную историю мне рассказал пожилой инженер-физик, который всю жизнь презрительно относился ко всяким "псевдонаукам" в целом и к астрологии в частности. Его жене захотелось обсудить с ним идею селестиальных близнецов, но, зная характер мужа, она боялась пригласить его на мою лекцию. Однажды она набралась храбрости и рассказала ему о "физике и астрологе", исследующем новую область. К ее удивлению, муж не разозлился, а сразу сказал: "Меня не надо в этом убеждать. Я давно знаю, что это так". На нашей встрече этот физик рассказал, что однажды у него возникла идея нового прибора. На предприятии решили проверить возможность массового производства и нашли, что подобная разработка велась еще в одном зарубежном институте. Когда приехал представитель того института, оказалось, что оба изобретателя понимали друг друга буквально с полуслова. Официальная встреча закончилась очень быстро, и гостей пригласили на обед в ресторан. Слово за слово, оба физика поделились подробностями личной жизни. Совпадения были явными, и в довершение всего выяснилось, что оба родились в один день одного года. В заключение этой истории, мой собеседник сказал: "Мне никак не

удается описать те чувства, которые я испытал в тот день. С этим внутренним ощущением ничего несравнимо". Как и в предыдущих случаях, после встречи с селестиальным близнецом его отношение к миру изменилось.

А сейчас перейдем к следующему типу рассказов о селестиальных близнецах, исходящему от людей, открывающих этот феномен в специальной или в исторической литературе. Поясню на примере данных, которые сообщила мне консультант по методу "Биографии" Рудольфа Штайнера, Хильда Альтус. Она много лет интересуется вопросом вундеркиндов. В книге Гинес и в Интернете записано, что на сегодняшний день обладателем самого высокого уровня интеллекта (IQ = 210 по тесту Станфорда-Бинета) является Ким Унг-Йонг, корейский вундеркинд, родившийся в 1963 г. и заслуживший звание чудо-ребенка всех времен. В пять месяцев он уже бегал по комнате. В семь месяцев читал, писал и играл в шахматы. В три года он решал задачи, связанные с интегралами и дифференциалами. Более того, в этом же возрасте он овладел немецким, корейским, английским и японским языками. Кима пригласили в США для обсуждения вопросов НАСА, когда ему было всего 11 и предложили остаться для обучения Университете Колорадо, в котором он получил докторскую степень по физике в 15 лет. После этого он работал на НАСА и позже, в 1978 г. вернулся работать в Корею. Затем Ким получил степень доктора в области гражданских инженерных технологий и стал преподавателем в одном из корейских университетов. Поразительно, что и три младшие сестры этого вундеркинда тоже были наделены редчайшими интеллектуальными способностями. Анализируя причины проявления уникальных способностей у всех детей семьи Унг-Йонг, Юрий Лина в статье "О вундеркиндах" [5] с удивлением добавил: "Их родители – ученые. Отец Ким Сусон – известный профессор физики, а мать – профессор медицины. По странному совпадению оба родителя родились в одном и том же году, в один день, даже в один час – 26 ноября 1934 г. в 23 часа". Секрет успеха четверки корейских вундеркиндов скрывался в том, что их родители, будучи сами по себе талантливыми людьми, были еще и селестиальными близнецами! В том, что Юрию Лина показалось "странным совпадением", эффект селестиальных близнецов видит очень важную закономерность, требующую серьезного изучения.

К последней, но едва ли не самой главной категории рассказов читателей, отнесу примеры, доведенные до моего сведения специалистами в областях истории религии и искусств. Уходя зачастую вглубь веков, такие факты позволяют увидеть панорамную картину явления и лучше понять его историческую значимость. К величайшему сожалению, в этой короткой статье невозможно упомянуть все те значительные совпадения, о которых мне стало известно за последние

два года. Ограничусь лишь одним примером, связанным с историей иудаизма и древнего Рима. Этот случай поведала мне искусствовед, д-р Инна Чернявская, организовавшая увлекательнейшую поездку "по следам селестиальных близнецов" в катакомбы Бейт-Шеарим. Тут во втором веке жил, а потом был захоронен, Рабби Йегуда Ганаси (обычно называемый в Талмуде просто Рабби), который собрал и канонизировал устные законы иудаизма, оставив их нам под названием "Мишна". Рабби (135-217) был главой Синедриона и по праву считался духовным вождем народа. Ему довелось стать представителем Израиля в глазах Рима: он сумел добиться значительных политических успехов и отмены многих декретов, направленных против иудаизма. В чем был секрет его успеха? Агада описывает невероятную историю рождения Рабби. Оказывается, в те дни римский император издал приказ, запрещающий иудеям делать обрезание. За нарушение этого указа смерть грозила как родителям, так и новорожденному. Но отец Рабби, Шимон бен Гамлиэль был сыном знаменитого раббана Гамлиэля из Явне, и ему и в голову не пришло послушаться Торы. О том, что новорожденный был обрезан, скоро донесли императору Рима. Ослушника затребовали немедленно к царскому двору с приказом показать ребенка судьям. Казалось, что смерть была неизбежной, но тут произошло чудо, и по дороге во дворец семья Рабби повстречалась с женой императора, у которой тоже был новорожденный сын, Антонин. По инициативе императрицы две женщины на время обменялись младенцами. Сначала Антонин заплакал, но мать Рабби покормила его грудью, и малыш успокоился. При осмотре ребенка доносчики были осрамлены, а семья Рабби благополучно вернулась домой. Агада повествует, что впоследствии Антонин стал одним из правителей Рима, и хотя историки не могут однозначно подтвердить его личность, но по распространенной версии принято полагать, что речь идет о Марке Аврелии. Так или иначе, Агада повествует, что дружба между Рабби и Антонином длилась на протяжении всей их жизни. В истории иудаизма Исидора Эпштейна об этом пишется так:

"Традиция утверждает, что Йегуда был на дружеской ноге с одним из императоров Антонинов, с каким именно неизвестно, но многие полагают, что с Марком Аврелием. Как бы то ни было, несомненно, что благодаря значительному влиянию Рабби при римском дворе, несмотря на все хозяйственные и политические трудности евреи жили больше 50-ти лет патриархата Йегуды сравнительно мирно и спокойно, что стимулировало деятельность Академии" [6].

Сохранившаяся переписка между двумя этими селестиальными близнецами является лучшим свидетельством того, как материнская Любовь двух женщин воспитала дух сотрудничества у двух будущих

великих правителей, пришедших в этот мир одновременно, чтобы совместными усилиями приумножить мудрость и знание у своих народов.

Рассказов много, но хотелось бы упомянуть сцену, произошедшую со мной во время радиопередачи с ведущей, Лиорой Ган. Был прямой эфир, и слушатели могли задавать вопросы о селестиальных близнецах. Одна из звонивших обратилась к Лиоре с такими словами:

"Я звоню не спросить, а поддержать гостью Вашей программы. Пару лет тому я слушала передачу, в которой предлагалось слушателям обращаться к астрологу за советом. К своему удивлению, я вдруг как бы услышала по радио свой голос. Звонившую слушательницу звали моим именем, у нее были похожие на мои проблемы, и в довершение всего, она родилась со мной в один день одного года! Для меня это было знаком того, что существует высший порядок, и что свои проблемы я должна решать сама. С тех пор я изучила астрологию, и мне стало легче самостоятельно принимать решения".

– "Но неужели Вы не обратились на передачу, чтобы разыскать селестиального близнеца?", – с удивлением переспросила Лиора. "Да нет же! Как вы не понимаете, я свой ответ получила. Я обрела знание, и мне этого было достаточно". После передачи Лиора спросила меня:

– "Вы ведь так давно исследуете селестиальных близнецов. Почему же такое удивление было написано на Вашем лице, когда звонила эта слушательница?"

– Потому что никак не могу привыкнуть к тому, что поразительное всегда рядом", – ответила я.

Я начала эту статью строфой английского мистического поэта Джона Донна. Хочу закончить его же словами, в переводе Леонида Павлонского (1909-1994):

Душа – в душе. Их связь крепка!
Вот так колеса: повернуть
Нельзя одно из них, пока
Другое не начнет свой путь.

Доброго пути всем идущим по дороге знания!

Литература

1. Левин Элизабета. *Селестиальные близнецы*. – М: Амрита-Русь, 2006, 560 с.

2. Гальтон Фрэнсис. "Наследственность таланта, ее законы и последствия": Пер. с английского //. – С.-Пб.: Ред. журн. "Знание", 1875. 319 с
3. Гумилев Л. Н. *Этносфера: История людей и история природы*. – М: Экспрос, 1993. 544 с.
- 4 Roberts Peter and Greengrass Helen. *The Astrology of Time Twins*. The Prentland Press Ltd, Edinburgh. 1994, 119 p.
5. Лина Юрий. "О вундеркиндах" // "Тайноведение" № 7, Израиль, 1983, с.178.
6. Д-р. Эпштейн Исидор. *Иудаизм. Исторический очерк*. – Иерусалим: Геулим, 1979, с.121-122.